

ВОЕННАЯ МЕТАФОРИКА В ДИСКУРСЕ СМИ¹

Э.В.Будаев

Екатеринбург, Россия

Summary: The paper analyses metaphors of war used in contemporary Russian and British media discourse for depicting post-Soviet politics in Russia and the Baltic States. It is argued that the revealed difference in the frequency of Russian and British military images correlates with national pictures of the world, target-domains and current political situation.

В последнее время стремительно растет количество публикаций, посвященных метафоре, которая еще недавно воспринималась как одно из многих средств «украшения» ораторской речи, а сейчас рассматривается как способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом.

Первые примеры использования военной метафоры в рамках теории концептуальной метафоры были приведены ее основателями Дж.Лакоффом и М.Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980], которые приступили к демонстрации эвристик когнитивного подхода с концептуальной метафоры «ARGUMENT IS WAR» (СПОР – ЭТО ВОЙНА) и наметили перспективы исследования военных метафор, рассмотрев метафорические следствия метафор войны Дж.Картера. Впоследствии военная метафорика привлекала значительное внимание исследователей дискурса СМИ [Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев, Чудинов 2007; Чудинов 2001, 2003; Abadi, Sacerdoti 2001; Cibulskiene 2002; Kelly-Holmes, O'Regan 2004; Kiklewicz, Prusak 2006; Koller 2002, 2004; Oberhuber et al. 2005; Wei 2001; Zinken 2004 и др.]. Как показали эти публикации, военные метафоры распространены в политическом дискурсе многих стран, а сфера-источник «Война» относится к наиболее частотным исходным понятийным областям, задействованным в метафорическом конструировании мира политики.

Исследователи находят причины активного использования потенциала исходной понятийной области «война» в агональном характере политической деятельности [Шейгал 2004], в богатом военном опыте человечества [Чудинов 2001], в традиционном доминировании в политике мужчин и соответственно привлечении для ее концептуализации понятий из традиционных для мужчин сфер деятельности [Будаев 2006].

Вместе с тем военная модель не представляет собой статичного компонента дискурса СМИ, и ее частотность может варьироваться в различные периоды политической истории. Например, милитаризация сознания российского [Баранов, Караулов 1991] и американского [Bates 2004]

¹ Настоящая статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002А «Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе»).

обществ стала характерной чертой именно в период холодной войны. Как показывают исследования, милитарные метафоры активизируются в период перехода от тоталитарного к демократическому обществу [Frankowska 1994], в периоды политических выборов [Чудинов 2001; Cibulskiene 2002].

Важно учитывать, что милитарные метафоры не способствуют поиску консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. Военные метафоры «конструируют политику как конфликт между партиями, а не как сферу общественной деятельности, направленную на улучшение благосостояния народа» [Fiske 1987: 291], поэтому концептуализация политической действительности в понятиях войны свидетельствует о доминировании в национальном сознании «агрессивного» сценария для разрешения политических разногласий.

Вместе с тем при описании закономерностей функционирования милитарных метафор важно учитывать два фактора: когнитивную укорененность военных образов в национальном сознании и политическую ситуацию, дискурсивную специфику функционирования метафорической модели. Если при сопоставлении активности милитарных метафор для концептуализации определенной сферы-мишени в разных национальных дискурсах результаты расходятся, то это свидетельствует не столько о реальной милитаризации общества или его сознания, сколько о профилировании различных проблем (сегментов сферы-мишени), об особенностях метафорического восприятия одной и той же действительности в разных национальных сообществах.

В настоящем исследовании рассматриваются закономерности функционирования милитарной метафорики в российских и британских СМИ (2000–2005 гг.) при описании постсоветской действительности России и прибалтийских республик. При отборе сфер-мишеней учитывались результаты и теоретические выводы исследований А.Н.Баранова и К. де Ландтсхеер о корреляции функционирования метафорических моделей и социально-политических кризисов [Баранов 2000; Landtsheer 1991]. После распада СССР именно страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) не вошли в СНГ и в дальнейшем именно с этими республиками у России возникали регулярные разногласия по самым разнообразным вопросам. Учитывая, что количество метафор в политическом дискурсе возрастает в периоды кризисов и конфронтаций, для анализа метафорического представления были отобраны именно эти сферы-мишени.

Также нужно учитывать, что метафорические модели коррелируют с базовыми категоризационными структурами национальных концептосфер и во многом от них зависят. В рассматриваемый период прибалтийские республики проводили активную политику по вступлению в Евросоюз и НАТО, а в 2004 стали полноправными членами этих организаций (в сознании многих россиян со времен холодной войны сохранилось представление о НАТО как о враждебном России военном блоке). Можно ожидать, что для британцев категоризация по оппозиции «Свои» – «Чужие» будет отражать обратную закономерность (Великобритания – член НАТО и ЕС).

В большинстве контекстов в российской и британской прессе метафорические выражения, посвященные осмыслению постсоветской действи-

тельности Латвии, Литвы и Эстонии, актуализировались по отношению к прибалтийскому региону в целом, что делает невозможным отдельный подсчет метафорических контекстов для каждой республики, поэтому при анализе частотности эти республики объединены в сферу-мишень «Страны Балтии». К тому же синкретичность метафорического представления Латвии, Литвы и Эстонии отражает таковое представление о прибалтийских республиках в наивно-географических картинах политического мира, что в частности подтверждается наблюдениями других исследователей [Клочко 2005].

В российских и британских СМИ выделяется следующая фреймово-слотовая структура военной метафорической модели.

1. Фрейм «Война и ее разновидности».

В метафорической картине российских СМИ действительность на постсоветском пространстве регулярно представляется как ведущаяся на нескольких *фронтах* война: *блицкриг*, *война плакатов*, *информационная война*, *идеологическая война*, *листовочная война*. К рассматриваемому фрейму относятся номинации *сражение*, *побоище*, *битва*, *дуэль*, *драка*. Очень распространены метафорические выражения, связанные с соперничеством в определенной экономической сфере: *алмазная война*, *газовая война*, *алюминиевая война*. Аналогичные метафоры типичны и для британского видения постсоветской действительности: *aluminium war* (алюминиевая война), *price war* (война цен), *cold war* (холодная война), *post-cold war* (постхолодная война), *propaganda war* (агитационная война), *all out war* (тотальная война), а также *battle* (битва), *enmity* (вражда), *feud* (междоусобица), *fight* (бой), *combat* (сражение), *duel* (дуэль), иногда просто *scramble* (драка) или *fray* (стычка).

2. Фрейм «Организация военной службы».

Слот 2.1. «Иерархические отношения военнослужащих». Для обозначения взаимодействия субъектов политической деятельности используется структурированное знание о воинской иерархии: *солдат*, *генерал*, *флагман*, *полководец*. Актуализируется противопоставление «*молодые*», *новобранцы* и *армейские деды*. К этому же слоту относятся военные команды «*стройся*», «*вольно*», «*шагом марш*» и *военные приказы*. В британской политической коммуникации также встречаются метафоры иерархических отношений военнослужащих: *recruits* (рекруты), *squaddie* (рядовой), *lieutenant* (лейтенант), *war-lord* (полководец), *commander-in-chief* (главнокомандующий), *to demote* (понижать в звании).

Слот 2.2. «Воинские подразделения». Объединение субъектов различных видов деятельности, направленное на достижение общей цели, описывается в российском политическом дискурсе с помощью метафор *рать*, *дивизия*, *полк*, *батальон*, *армия*, *гвардия*, *когорта*. Похожие метафоры используются при описании объединений для совместной деятельности в британском политическом дискурсе: *army* (армия), *battalion* (батальон), *corps* (корпус).

3. Фрейм «Военные действия и вооружение».

Слот 3.1. «Военные действия». Для обозначения самых разнообразных политических действий используются многочисленные метафоры тактики

ведения боевых действий: *сдача позиций, атаковать, отступить, таран, марш-бросок, итурм, наступать, бомбить, осада, поход, кавалерийская атака, рубить, взрывать, авиаудары, ожесточенное сопротивление, обстреливать, вести огонь, идти в штыковую, бросаться на амбразуру* и др. Рассматриваемый слот столь же продуктивен и в британском политическом дискурсе: *to undermine* (минировать, подрывать), *to hold manoeuvres* (проводить маневры), *to attack* (атаковать), *to shoot* (стрелять), *to topshoot* (палить с близкого расстояния), *to hold the line* (удерживать линию обороны), *to act on the offensive* (наступать), *to bomb* (бомбить), *to wipe out* (уничтожать противника), *to skirmish* (перестреливаться), *to defend oneself* (обороняться), *to beset* (окружать), *siege* (осада).

Слот 3.2. «Виды вооружения и военных сооружений». В метафорической войне задействованы самые разнообразные виды вооружения – от устаревшего (*шашка, сабля, стрелы, дротики, копье, дубина, меч, кистень, наган, маузер, фосген, штык*) до современного (*артиллерия, пушки, автомат Калашникова, крупнокалиберный пулемет, патроны, бомба* (в том числе *нейтронная, вакуумная, ядерная*), *порох, растяжки, торпеда, нож, кинжал*). Иногда в качестве метафорического оружия используется *лом* или *кувалда*. Из средств защиты наиболее востребован *щит*. Также значительное распространение в метафорической войне получили различные инфраструктурные сооружения и средства маскировки (*амбразура, дымовая завеса, полигон, запасной аэродром, мосты стратегического назначения, крепость, концлагерь, редут, форпост, окопы, бастион*).

В британском политическом дискурсе используются следующие виды метафорического оружия: *gun* (ружье), *machinegun* (автомат), *weapon* (оружие), *scatter guns* (разрозненные орудия), *long-shot guns* (дальнобойные орудия), *squad* (орудийный расчет). Иногда применяется холодное оружие: *knife* (нож), *dagger* (кинжал), *sword* (меч), *spear* (копье). В текстах встречаются наименования боеприпасов: *bullet* (пуля), *bomb* и *bombshell* (бомба), *ammunition* (боеприпасы), *napalm* (напалм). Среди средств защиты и маскировки наиболее распространены *shield* (щит), *cover-up* (дымовая завеса), *minefield* (минное поле) и наименования оборонных сооружений (*outpost* – сторожевая застава, *fortress* – крепость, *war camp* – военный лагерь, *bastion* – бастион, *trenches* – окопы, *last-ditch* – последний окоп, *the line of defence* – линия обороны).

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги».

Слот 4.1. «Начало войны». Обострение политических и экономических противостояний описывается в метафорических выражениях *бряцать оружием, подготовка к войне, рекрутировать, мобилизация, объявить войну*. В британской политической коммуникации используются похожие номинации *to declare war* (объявить войну), *mobilization* (мобилизация), *sabre-rattling* (бряцание саблей), *clashes* (лязг оружия), *brinkmanship* (балансирование на грани войны). Привлекают внимание распространенные британские метафоры дуэли и рыцарского поединка: *to call out* (вызвать на дуэль), *give a dare* (бросить вызов), *to throw the gauntlet* (бросить перчатку, вызов – букв. латную рукавицу), *to hurl the gauntlets into the face* (бросить

перчатки в лицо), особенно часто используется номинация *to challenge* (вызвать на дуэль, поединок).

Слот 4.2. «Итоги военных действий». Результаты противостояний субъектов политической деятельности (обычно политических выборов) представлены номинациями: *победа, поражение, капитуляция, перемирие, оккупация, узурпация, парад победы, триумфальный марш, пленные, колонии*. В британских СМИ данный слот представлен похожими метафорами: *casualties* (потери), *captives* (пленные), *victory* (победа), *to win* (победить), *to encroach* (узурпация), *to defeat* (нанести поражение), *to capitulate* (капитулировать).

Сопоставление российских и британских метафор по критерию сферы-мишени метафорической экспансии показывает, что милитарные метафоры актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Ср.:

Сфера-мишень «Россия»

Политическая баталия во втором туре развивалась прелюбопытнейшим образом. Армия Сергея Веремеенко панически бежала, бросая пушки и знамена (С.Юрьев / КП, 13.12.2003); *На «каалининградский фронт» бросается замминистра Сергей Разов* (М.Ростовский / МК, № 42, 2002); *Все-таки большинство членов верхней палаты представляли собой «батальон опытных политических бойцов»* (МК, № 53, 2000/2001); *Маршрут ему дадут в Кремле, и дело нового премьера будет солдатское – четко выполнять приказы и в случае чего броситься на амбразуру*, ликвидируя, например, многочисленные льготы или реформируя ЖКХ (С.Марков / КП, 4.3.2004); *Огонь критики по «медвежьим штабам» между тем ведется из орудий всех калибров. До сих пор броня была крепка: об нее разбивались атаки* и слева и справа (В.Жаров / КП, 25.11.2004).

Сфера-мишень «Страны Балтии»

Партия эта – детище и личная гвардия человека с нелитовской фамилией Успаских (В.Скрипов / Эксперт, № 39, 2004); *В балтийских странах осознают, что на поддержании статуса «прифронтовых государств» вряд ли можно получить у держав Запада необходимые политические дивиденды* (К.Воронов / НГ, 10.8.2004); *Забота о конкурентоспособности русских выпускников – дымовая завеса* (Г.Сапожникова, К.Маркарян / КП, 3.3.2004); *Те, кто видел это (а видят немногие – кого интересует литовское село?), утверждают, что впечатление, как после бомбежки* (СР, 27.5.2003); *Бывшие семеро «узников социмперии» (по выражению Буша) радостно присягнули на новую верность в более перспективной военной иерархии* (О.Шевцов / КП, 31.3.2004).

Target domain «Russia»

Now that truce is no more. In the West, the worry is this will lead to all out war between the Kremlin and the oligarchs (DT, 27.10.2003); *Yeltsin scrapped his original address, called the cameras to his Kremlin office on Friday morning and dropped his valedictory bombshell* (I.Traynor / The Observer, 2.1.2000); *THE pro-Moscow president of Chechnya, Akhmad Kadyrov, was buried yesterday as Russian security services hunted the audacious killers who derailed the Kremlin's plans to pacify the region* (J.Strauss / DT, 11.5.2004);

*The outcome now is that in Russia, Chubais and the so-called oligarchs are the most reviled figures in Russia, making it popular for Putin to **take** politically motivated **potshots** at those of the oligarchs who incur his disfavour (I.Traynor / The Guardian, 23.1.2001).*

Target domain «The Baltic States»

*Now Russian-speakers are **up in arms** because all high schools must teach 60% of classes in Latvian from September next year (The Economist, 7.6.2003); Transneft is likely to **lose the Ventspils fight** (The Economist, 7.6.2003); The present Latvian authorities have come **under fire** for failing to prosecute alleged war criminals who helped the Germans (I.Traynor / The Guardian, 19.2.2000).*

Милитарные метафоры являются устойчивым компонентом российско-британского интердискурса. Вместе с тем данные о частотности, представленные в таблице 1, показывают, что метафорическая милитаризация постсоветской действительности в разной степени характерна для представления рассматриваемых сфер-мишеней в российском и британском дискурсе СМИ.

Таблица 1

**Частотность метафор со сферой-источником «Война»
в российском и британском дискурсе СМИ**

	Сфера-мишень «Россия»	Сфера-мишень «Страны Балтии»
Британские СМИ	28,9	17,8
Российские СМИ	16,5	23,2

В российской прессе количество милитарных метафор от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 16,5 %, стран Балтии – 23,2 %. В британской прессе количество милитарных метафор, актуализированных для осмысления российской действительности, составило 28,9 %, а для стран Балтии этот показатель равен 17,8 %.

Для британских СМИ очень характерно осмыслять сферы-мишени «Россия» в понятиях войны, в то время как при осмыслении сферы-мишени «Страны Балтии» предпочтение чаще отдается метафорам из других сфер-источников. Британцев страны Балтии интересуют в первую очередь в контексте проблем Евросоюза, поэтому эти республики чаще представляются как новые члены Европейской семьи, как быстро растущие экономические тигры или участники спортивного соревнования, призом в котором является членство в международных организациях.

В российской прессе чаще профилируются другие проблемы. Внимание российской общественности направлено на вопрос о статусе русскоговорящих меньшинств, которые ведут метафорическую войну с прибалтийскими правительствами и участниками второй мировой войны, сотрудни-

чавших с фашистами. Этим объясняется большая частотность российских милитарных метафор по отношению к сфере-мишени «Страны Балтии».

Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Война» регулярно служит средством метафорической образности для концептуализации действительности различных государств, является общим компонентом британско-российского интердискурса, но ее потенциал к моделированию политической действительности в разной степени используется в политическом дискурсе в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов 2000 – *Баранов А.Н.* Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // *Linguistic Change in Europe 1990-2000* / ed. by L.Zybatow. Wien, 2000.
- Баранов, Караулов 1991 – *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
- Баранов, Караулов 1994 – *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Будаев 2006 – *Будаев Э.В.* Гендерная специфика политической метафорики // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2006, № 1.
- Будаев, Чудинов 2007 – *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Клочко 2005 – *Клочко Н.Н.* Образы Европы в современных национальных политических дискурсах // *Известия УрГПУ. Лингвистика*, 2005, вып. 17.
- Чудинов 2001 – *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001.
- Чудинов 2003 – *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003.
- Шейгал 2004 – *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Abadi, Sacerdoti 2001 – *Abadi A., Sacerdoti Y.* Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. // *RASK. International Journal for Language & Communication*, 2001, vol. 5.
- Bates 2004 – *Bates B.* Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // *Communication Studies*, 2004, vol. 55, № 3.
- Burkhardt 1992 – *Burkhardt A.* Können Wörter lügen? // *Universitas. Zeitschrift für interdisziplinäre Wissenschaft*, 1992. Bd. 47.
- Cibulskiene 2002 – *Cibulskiene J.* The Metaphorization of Elections as war in the 2001 General Election campaign of Great Britain // *Respectus Philologicus*, 2002, № 2 (7).
- Frankowska 1994 – *Frankowska M.* Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989-1993 // *Jezyk a kultura* / Pod red. J.Anusiewicza; B.Sicińskiego. Wrocław, 1994. Tom 11.
- Fiske 1987 – *Fiske J.* *Television Culture*. New York, 1987.

- Johnson 2005 – *Johnson E.* Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // *Bilingual Research Journal*, 2005, vol. 29, № 1.
- Kelly-Holmes, O'Regan 2004 – *Kelly-Holmes H., O'Regan V.* «The spoilt children of Europe». German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // *Journal of Language and Politics*, 2004, vol. 3, № 1.
- Kiklewicz, Prusak 2006 – *Kiklewicz A., Prusak M.* Pragmatyczne aspekty teorii metafor pojęciowych (przy szczególnym uwzględnieniu metafor politycznych w polskich tekstach prasowych) // *Respectus Philologicus*, 2006, № 9 (14).
- Koller 2002 – *Koller V.* «A Shotgun Wedding»: Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // *Metaphor and Symbol*, 2002, vol. 17, № 3.
- Koller 2004 – *Koller V.* Businesswomen and war metaphors: 'Possessive, jealous and pugnacious'? // *Journal of Sociolinguistics*, 2004, vol. 8, № 1.
- Lakoff, Johnson 1980 – *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.
- De Landtsheer 1991 – *De Landtsheer Ch.* Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*, 1991, vol. 24, № 3/4.
- Oberhuber et al. 2005 – *Oberhuber F., Bärenreuter C., Krzyzanowski M., Schönbauer H., Wodak R.* Debating the European Constitution: On representations of Europe/ the EU in the press // *Journal of Language and Politics*, 2005, vol. 4 (2).
- O'Brien 2003 – *O'Brien G.V.* Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // *Metaphor and Symbol*, 2003, vol. 18, № 1.
- Scolari 2003 – *Scolari C.A.* La zona roja: Invasión, espacio y conflicto durante el vértice del G8 en Génova // *Sphera Pública*, 2003, № 3.
- Wei 2001 – *Wei J.M.* *Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse*. Lanham, 2001.
- Zinken 2004 – *Zinken J.* Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2004, vol. 25, № 5/6.